

Моя семья во время войны

Посвящается моим родным, которые сделали все,
чтобы я остался жив.

Я родился в Ленинграде 18 января 1939 г., а выехали мы по Ладожскому озеру, по «Дороге жизни» в апреле 1942 г. одним из последних грузовиков. Надо сказать правду, что мои личные воспоминания, конечно, отрывочные, и то, что я стараюсь последовательно изложить здесь, построено, в большой степени, на рассказах моих близких и материалах книги, которую написала моя, теперь покойная мама «Путешествие из Ленинграда в Москву с пересадками». С этой книгой можно ознакомиться по ссылке http://www.kmay.ru/publics_sample.phtml?n=82.

Итак, наша семья к началу войны состояла из 4 человек.

Папа - Олейников Яков Алексеевич по профессии геолог-путеец, занимавшийся всю жизнь геологическими изысканиями для постройки железных дорог. Большую часть года он проводил в «поле», в экспедициях. До войны и после войны он «строил БАМ». Людей этой специальности на фронт не брали, но, как мы понимаем, железные дороги во время войны играли роль кровеносной системы страны, и его перебрасывали на разные участки. В 1942 г. он вел изыскательские работы для прокладки железнодорожного пути, т.н. «Волжская рокада», о чем пишу ниже. И в начале блокады папы тоже не было в Ленинграде, он работал где-то в Калининской области. К началу войны отцу было 39 лет.

Мама – Мунц Наталья Оскаровна, член Союза художников, основная специализация - детские книжки. Мои родители познакомились, когда мама участвовала в экспедициях на Дальнем Востоке в должности художника. Видимо, в те времена фотография была еще делом хлопотным и не годящимся для полевых условий. К началу войны маме было 34 года.

Моя единокровная сестра, то есть дочь отца от другого брака, Людмила Яковлевна (Ляля). К началу войны ей было 13 лет.

Мне, получается, было два с половиной года.

Блокада

Мы жили на Среднем проспекте Васильевского острова д.25 в коммунальной квартире двухэтажного дома постройки чуть ли не «петровских времен». Когда начались тяготы блокады, мы втроем переехали к дедушке и бабушке (с маминой стороны) на Большой проспект Васильевского острова. Квартира находилась на пятом этаже. Я называю этаж, чтобы можно было представить, что значило в разгар блокады, когда не было электричества, не работали лифт, водопровод и отопление, таскать обессиленным от голода людям воду и дрова по лестнице на пятый этаж. Недавно я зашел в этот подъезд, постоял немного и все это прокрутил в голове. Дедушка – Оскар Рудольфович Мунц, известный архитектор профессор Академии художеств. К началу войны ему было 68 лет. Бабушка Магдалина Львовна никогда не работала, до революции была «барыней», а после революции «домохозяйкой». К началу войны ей было 65 лет. С ними жил еще сын, мамин брат Владимир Оскарович Мунц (дядя Володя), тоже архитектор и тоже преподаватель Академии художеств. К началу войны ему было 38 лет. О дедушке, маме и дяде Володе легко найти сведения в Интернете.

Когда была объявлена война, дядя Володя сразу же, 23-го июня утром, пошёл записываться добровольцем. В военкомате, узнав о его знании языков, записали его в спецчасть и велели ждать. Потом, кажется, по линии какой-то другой своей работы, он снова пошёл записываться. Там справились в списках и сказали: он состоит уже у них на учёте, и просят его ждать. Тем временем в Академии художеств отправляли студентов на рытьё окопов, и он поехал как преподаватель. Собственно, копать он и не должен был, так как был там «начальством», но таков был его характер. Наконец дядя Володя вернулся, совершенно распухший от голода. Надо сказать, что от голода в первую очередь страдали взрослые мужчины, поскольку их организм требовал больше еды. Дальше дяде Володе было хуже и хуже. Он еле ходил. Он не позволял кормить его особо. Мама жульничала, разыгрывала порции между нами, подсовывая ему большую. Потом его устроили работать механиком на хлебозавод. Ему сразу же стало лучше. Он ел там корки, приставшие к поддону. Домой он приносил в носках, пристёгнутых в карманах, то, что они вытряхивали из пустых мешков, — муку с верёвками мешковины, эту смесь просеивали на рояле, и что-то получалось. Раз дядя Володя пришёл сияющий: «Гитлер прислал вам угощение» — и вытащил пять галок и одного воробья (по количеству едоков!), убитых бомбой во дворе хлебозавода. Вскоре всё кончилось: завод был далеко, трамваи встали. И дяде Володе пришлось только один раз прийти домой пешком. После этого он слёг. Зимой организовался стационар в гостинице «Астория». Туда взяли архитекторов — но только ходячих! Мама вспоминала:

«... Я собирала туда Володю. Я мыла его. Никогда не забуду. Такое можно было увидеть потом только на фотографиях фашистских лагерей. Недели Володе папины хорошие валенки и пошли. Утром, в темноте. А на

Николаевском мосту шли так: впереди Володя, сзади я, толкая его в спину (подъём!), а позади торопится, идёт, скользит, падает мама. Зачем? Не знаю, зачем она пошла. Видимо, «проводить». В «Астории», когда его записали, и я стала снимать с него валенки для отца, он упал и встать уже не мог. Чуть-чуть всё не сорвалось: «Что такое? Он неходячий?» Лестница на верхний этаж. Темно. В этот день отключили электричество и в «Астории». Какие-то аккуратные палочки, точно для мороженого, как лучины, у всех в руках. Окна затемнены. Крестный путь наверх! И всё-таки «Астория» спасла Володю! Ему давали там ежедневно чуть-чуть вина и сахар. После «Астории» его ещё поместили в стационар в Доме архитекторов. Оттуда Володя прислал нам записку с незнакомой девушкой: «Ради Бога, что с вами? Об отце всё знаю». А мы ничего не знали! Я ведь тоже уже несколько дней как лежала. Девушка сказала нам, что отец умер. Моя первая мысль: значит, в нашей семье это началось с отца».

А дедушка скончался зимой в стационаре Академии художеств, куда лёг очень худой, но совсем здоровый. Это было в конце января. А в ночь со 2-го на 3-е февраля его не стало. Его накормили там гуляшом. А дома мы уже давно не видели ничего жирного, кроме мазей из аптечки, на которых поджаривали кусочки хлеба. Мама навестила дедушку раза два. А потом слегла сама. В последний раз видела его Ляля. На Смоленском блокадном кладбище есть памятник по рисунку дяди Володи. Там похоронены семь профессоров и преподавателей Академии художеств, умерших в эти самые дни. Вскоре появилась возможность отправить дядю Володю с попутчицей в Тюменскую область, в город Емуртлу, где находилась его жена Сима с детьми, работавшая там врачом. Дядя Володя терзался - как он оставит нас? Но мама уговорила его. Проводила на Финляндский вокзал. Мама пишет: «Шли, конечно, пешком. С саночками. На Большом проспекте Петроградской стороны полуживые женщины скалывали снег на панелях. Всё было в глубоких ступенях. Мы мучительно преодолевали эту часть пути: надо было то втаскивать санки, то спускать и толкать Володю. На Финляндском вокзале я провела с ним ночь и часть дня. Посадки не было, больше я не могла оставлять одних детей и маму. Благословила его - и ушла. Вот таким я его запомнила, (спутница Володина умерла в пути от тифа)».

Наверное, если бы мы жили только на карточки, умер бы не только дедушка. Но, как известно, в Ленинграде были люди, «присосавшиеся» к продуктовым потокам, существовал «чёрный рынок», где всё можно было достать, но за очень большие деньги. Мама пишет, что она купила буханку хлеба за одну тысячу рублей, которые ей прислала сестра папы – тётя Шура из Магадана. Но гораздо больше денег значили золотые и серебряные предметы. Сестра Ляля мне недавно рассказала, что на ее 14-летие в марте 1942 г. мама обменяла золотую цепочку на буханку хлеба, которая и составила основу праздника. Значит, что-то у бабушки с дедушкой было, как фамильное, так и нажитое, все-таки дедушка был с дореволюционных времен успешным архитектором. А еще была мебель, подбиравшаяся в дореволюционные времена, красного дерева. Ее тоже можно было обменять

на продукты. И мебель тоже спасала жизнь. Кстати, после войны, если ты знал, к кому попала мебель, можно было добиться ее возвращения. Как известно, самым страшным временем во время блокады была первая зима 1941-1942 г. По заснеженным улицам люди шли медленно и бесшумно, еле волоча от голода ноги. Если слышались скрипучие быстрые шаги, это шел красноармеец или краснофлотец, военных, конечно, кормили лучше.

И вот однажды мама ведет меня, тепло укутанного, «за ручку», а нас обгоняет моряк. Он прошел шагов десять, а потом, вдруг, остановился, вернулся, присел передо мной, расстегнул подсумок, достал оттуда огромный ржаной сухарь и вручил мне. Я сказал «спасибо», думаю, не оценив всей ценности подарка, а краснофлотец быстро ушел вперед. Мама, конечно, такое богатство реквизировала и глубоко упрятала. А дома в этот день у всей семьи было пиршество. Сухарь, который был «каменный», сначала разбили молотком, растолкли в ступке, а потом размолотили в кофейной мельнице и из этих мелких крупинок испекли на «буржуйке» лепешек, используя все те же мази из аптечки. «Буржуйкой», как мы знаем, со времен гражданской войны называлась печурка, которая изготовлялась «умельцами» из листового железа, а коленчатая дымоходная труба выводилась в форточку. На этой печурке варили и жарили пищу. В этих печурках в отсутствие дров «погибло» много мебели, в том числе старинной, и даже книг. К счастью, в нашей семье до этого не дошло. Второй случай был, я бы сказал, ярче. Как известно, в блокаду в Ленинграде съели всех кошек. Вот и у нас в какой-то день была куплена, уж не знаю за какую цену, тушка кошки. Ее разделкой занималась бабушка, и вынутые кишки выбросила в помойное ведро. Мама возмутилась, вытащила эти внутренности, промыла и пустила в пищу. Итак, после того как дедушки не стало, а дядю Володю отправили из Ленинграда, мы остались вчетвером: мама, бабушка, Ляля и я. Встал вопрос об эвакуации. Мама ехать не собиралась, она боялась не довезти бабушку. Да и куда везти? Как решить? Ведь кормить нас теперь стали уже гораздо обильнее, не сравнить с зимой. Бабушке в то время было 64 года, она была сильно истощена, и все-таки по менталитету была «барыней», мало приспособленной к тяготам эвакуации, в отличие от мамы, которая прошла школу экспедиций. Но тут стала сильно сдавать физически Ляля. Она начала уговаривать маму уехать в Тамбовскую область, куда уже перебралась Ольга Алексеевна, сестра моего отца, которая в начале блокады просила маму отпустить с ней Лялю. Но мама тогда не решилась на это. Когда же под Пасху немцы впервые после страшной холодной и голодной зимы, которую мы едва пережили, сильно бомбили город, мама приняла решение уехать. Бабушка просила оставить её, чтобы не быть обузой. Но мама, естественно, не могла этого сделать, и мы отправились в эвакуацию вчетвером: мама, бабушка, Ляля и я.

Эвакуация

Передо мной лежит архивная справка, которую все эти годы бережно хранила Ляля. Эта справка и явилась в дальнейшем основанием для получения звания «Житель блокадного Ленинграда». В ней написано, что мы эвакуируемся в Калининскую область. Там в это время где-то в районе Селигера находился папа. Мама наняла грузовик. Вещи были упакованы в тюки, покрытые чёрной матовой клеёнкой, купленной дядей Володей еще до войны, наверное, для палатки. Было сказано, что чемоданы брать с собой нельзя. Мама с Лялей всю ночь простояли на Финляндском вокзале в очередях за пайком для эвакуированных. Вообще, мама много раз после войны говорила мне, что если бы не Ляля, она не справилась бы, наверное, имея на руках истощенную бабушку и меня. Позже мне всегда приходила на ум аналогия, что Ляля по отношению ко мне сыграла роль медвежонка «пестуна», приглядывающего за маленьким медвежонком. Здесь нет возможности описывать все тяготы, могу сказать только, что по описаниям мамы, она узнала все самые лучшие и самые худшие черты характера русских людей. Приведу лишь некоторые цитаты из маминой книги:

«...Ночью начались сцены, предопределяющие всю неразбериху нашего будущего пути: время от времени раздавались вопли: «Мама! мама!», «Таня!», «Люда!». И пробегали заплаканные, перепуганные, потерявшиеся дети и женщины. Из пайка, выданного нам, запомнились небывало большие, забытые порции хлеба. Выдавали сразу дня на три, да еще на всех четверых. К утру произошла посадка в вагоны типа дачных. Жуткая теснота, ругань. Не понимаю, как справились мы вдвоём, ничего не растеряв? Вещи были не велики и очень ладно упакованы, в чем сказались школа экспедиций и выюков. Поезд вез нас в Борисову Гриву на берегу Ладожского озера.

...Приехали мы к вечеру, ещё засветло и началась погрузка на подъезжающие один за другим грузовики. Брала «на абордаж». Мы стояли беспомощные, пропуская одну машину за другой. Наконец, Ляля пообещала табак каким-то красноармейцам, и они схватили наши тюки и закинули наверх, маму - так же, и только ножки мамы торчали, тоненькие в беленьких бурках. Мы устроились за кабиной и поехали в темноте. Я всё укрывала одеялом, как цыплят, своих детей. И была там хорошая простая тётка, одиночка, называвшая маму «бабушка», добрая и заботливая с ней. Страшная, хлюпающая в воде тёмная дорога. Рядом разговоры: «Вчера две машины провалились под лёд. Немцы бомбили». «А сегодня еще подтаяло». ... В темноте разгружаемся на другом берегу залива, в Кабоне. И снова ушли мы с Лялей в очереди за едой. Маму посадили стеречь вещи. Разные очереди, то за кипятком, то за супом. Пока стояла за кипятком, видела, как крутился человек на снегу. Крутился, крутился - и замер. Умер. Когда рассвело, кругом оказались лежащие в сторонке, а в общем, между кучками вещей и людей такие «палочки» - покойники, пряменькие, закутанные с головами. И когда я увидела эти непараллельные палочки, я поняла, что Володи нашего давно нет в живых! Вот также он, наверное, умер где-нибудь в пути. Сюда, в

эту Кабону (мы не видели никакого поселка - были только временные палатки для выдачи еды в окошечко), были положены рельсы, наверное, специально для эвакуации. Точно рельсы игрушечной железной дороги, без всякой насыпи.

...И началось наше страшное путешествие в теплушке. Было так тесно, что спать лёжа можно было только по очереди. Мы устроились направо от двери. У Сашеньки был страшный ожог на руке - я все смотрела, не загрязнился бы (он ошпарился чаем еще в Ленинграде, и пока я расстёгивала рукавчик, тут и ожгло, повыше от запястья). А у меня пальцы были порезаны пилой (пилила на кухне дрова для печурки, и пила дважды соскочила и два параллельных шрама так и остались по сей день). Публика была мерзкая по злобе. Особенно издевались над моим отношением в маме: «Мамочка! Ха-ха! Мамочка!» А забота о Саше казалась им естественной. Это всё были люди, каких мне не приходилось встречать раньше, Я думала: где же они жили, такие в Ленинграде? Мужчин совсем не было. В основном, это были женщины, бабы, мало детей. Не столько истощённые блокадой, сколько озверевшие.

...И ехали мы всего 17 дней. Публика понемногу убавлялась. Эшелон шёл на юг, в Кисловодск, то есть, прямо к немцам угодили бы! Но я твёрдо хотела к Ольге Олейниковой, на станцию Платоновка, под Тамбовом. А для этого надо было сделать пересадку в Мичуринске. Мама умоляла: «Будем фаталистами! Поедем на юг». Ей хотелось тепла.

...Где-то по дороге, на станции у вагона, стояла женщина с куском хлеба (граммов 400) и предлагала хлеб тому, кто похоронит её мужа. Мама постояла с Лялей, глядя на хлеб, и помечтали заработать его так, но не решились: «Как копать? Чем? Где? Успеем ли?»

У мамы были с собой две вещи для обмена: табак и мыло. На одной станции мама вошла в домик железнодорожника (стрелочника, наверное?) с табаком и вдруг увидела в миске натолчённую горячую картошку с кожурой. «Что Вы хотите?» - спросил он. «Вот это» - сказала мама не в силах оторвать глаз от миски. «Да ведь, это курам приготовлено!» - «Ничего. Давайте мне». Так мама и перевалила к себе в котелок куриный обед. Как-то вечером приходит в вагон радостная Ляля: повезло! какой-то человек на платформе дал ей варёную жилу, белую большую. Сосали, сосали мы её ночью, раздирали, жевали - а она ведь не жует... Эти два случая были уже после Мичуринска, когда ехали мы не в теплушке. А в теплушке народу всё убавлялось, и люди становились всё добрее и добрее к нам.

Несмотря на свои 65 лет и страшное истощение, бабушка спокойно и безропотно переносила все трудности пути. Может быть, это спокойствие было просто полусознательное состояние, в которое она впала еще в Ленинграде? Во время блокады было постоянное ощущение нереальности всего происходившего. И все-таки, бабушка была пассивна, но мужественна.

В солнечную погоду, когда вокруг всё таяло, мама выводила меня на остановке, раздевала до пояса и быстро мыла в талой воде к ужасу баб и даже бабушки. Мама пишет: «Саша - веселенький. Что ему эвакуация?»

Запомнился он таким: синее зимнее пальто с чёрным воротником, белая вязаная шапочка с помпоном и ленточками под подбородком и валенки с галошками. Стоит подле вещей в Кабоне и весело давит галошками хрустящий лёд на лужах. Вот тогда я и подумала: счастливый возраст!»

На станции Мичуринск мы пересаживаемся в поезд на Тамбов. Для пересадки нужно вымыться в бане, и только по справке «О санобработке» нам продадут билеты дальше. Как быть? Мама оставила на вещах бабушку и меня. Читаю у мамы: «А мы с Лялей «санобрабатываемся». В бане черно, как в аду. Потом в справке на двоих я переделываю на почте 2 на 4, дрожа от страха за подлог. Ноги трясутся, когда протягиваю свое подделку в кассу. Сходит благополучно.

... В Мичуринске смотрю, не могу оторваться, на девушек с бюстами. У всех есть бюст! Чудо. Помню, перед отъездом из Ленинграда я ходила оформляться в Дом Архитектора и там тоже, на лестнице смотрела на мраморную скульптуру (Психеи, что ли?) С грудями! Нечто забытое.

...Однажды, когда мама сидела одна на платформе, проходящие девушки бросили ей в руки ломоть хлеба. Что это было? Милостыня? Удача? Показатель сытости?

...Забыла я, как погрузились мы в новый поезд (так называемый 3-го класса) и сколько времени мы едем. Только помню ночь в тамбурчике у круглой высокой печки; днем мы поджариваем с Лялей на этой печке кружки сырого вымоченного картофеля. И едим его полусырой и наслаждаемся этим. (Витамины, что ли радуют?). Так мы доехали до станции Платоновка и оттуда надо было добраться до деревни Старое Челищево, где была Ольга, ее сын Лёва и его тётя Полина Николаевна Павлова - директор школы».

Первое Мая! Это число маме запомнилось потому, что этот праздник был так не похож на праздник. Потом переезжаем к другой хозяйке. Распутица. Неизвестно, как доехать до Ольги. Хозяйка наша похожа на украинку: веселая, миловидная. Наконец мама решилась доверить ей бабушку и меня, а сама отправилась с Лялей с утра пешком по узкоколейке. к Ольге Олейниковой в деревню Старое Челищево... «Пройдя 18 км, мы увидели впереди справа бугор, как спина борова со щетиной черной, мрачной деревни по горбу.. И среди крыш одна единственная зелёная крыша. Повыше. И я поняла: это школа. Туда мы и идём. И это единственное на всей земле место, где нас ждут! Долго, долго ещё поднимаемся мы к этой школе и, наконец, дошли. Самый момент встречи я не помню. Зато хорошо помню, что впервые за многие месяцы блокады и нашей эвакуации мы - желанные гости. Нам - рады! Нас кормят!»

Все самое страшное и трудное было позади. На этом можно было бы кончить мои воспоминания, но потом много было еще всяких трудностей.

Новиково

Почему-то маме удалось снять комнату не в самом Старом Челищеве, а в деревне через овраг – Новиково. Прожили мы тут месяц. Колхоз выдал маме 16 соток под огород. Но это была целина, вернее, заброшенная земля, и мама стала её терпеливо копать! Только потом мама поняла, что ее руки могли прокормить ее совсем другим образом: мама прекрасно увеличивала бы фотографии сыновей и мужей, ушедших на фронт. Когда маму кто-то попросил это сделать, она с легкостью превратила маленькую «паспортную» фотокарточку в портрет. И доставила столько радости хозяйке. А мама всё копала и копала.

Обедали мы на потеху всей деревне на крыльце, выходящем прямо на деревенскую улицу. За неимением «балкона». Занавесили чем-то и сидели, как-то сбоку. Дачные замашки! Сколько бы мама не наварила супу - в огромной кастрюле - мы доедали всё всегда до конца. Оторваться - не было сил! И ещё к обеду приносили из ключа вкусную, особенную воду. И тоже - пили и пили. А вот хлеба за этот месяц почти не было: где-то очень редко и мало получали муку. И сделались у нас огромные животы - утюгом вперед! И сделалась какая-то цинга, болячки у всех в уголках рта. Когда сразу после нашего приезда мы мылись в избе, хозяйка смотрела на нас с ужасом. Потом маме говорили, что в окошки подглядывали и другие бабы - и рассказывали потом по всей деревне, как мы были страшны. Эвакуированных в этой деревне почти не было, и деревенские называли нас «выковырянными».

Жилось деревенским бабам в деревне не голодно, но и не сладко: лошадей всех увели - и пахала вся деревня «на бабах». Очень печальное зрелище. И еще - на коровах.

Сюда, в Новиково пришла первая телеграмма от дяди Володи. Мама с бабушкой стояли в сенях – и, как куклы, упали друг другу в объятия. Дядя Володя жив, жив! После нашего переезда через Ладожское озеро старались не говорить о нём, молчали, не веря, что он остался в живых! А вот папины телеграммы и письма мы не получали - они, видимо, застревают на станции Платоновка «до востребования».

Но вот, в один прекрасный день (именно в тот день, когда у мамы взошел первый картофель) мама увидела издали, со своего огорода, что въезжает в деревню грузовик (это было необычно). Он медленно полз, переваливаясь по деревенским ухабам. И остановился у нашего дома. А минут через 10 прибежал от речки Лёвушка с криком: «Тасенька, Тасенька! Дядя Яша прислал за Вами машину!». Первая мысль, возникшая у мамы: «Как уехать? Теперь? Да я же не могу оставить огород! В нём - благополучие будущей зимы, а тут вдруг - бросить!». Но потом все завертелось: приехавшие за нами завхоз и шофер экспедиции быстро пресекли мамины нелепые колебания. Наутро получили, сданные было на прописку паспорта, сложились, расцеловались с хозяйкой - и поехали. Да еще отдал маме колхоз мешок картофеля («за обсеменение» огорода). И это очень удивит папу, что его голодающая семья явится к нему со своим картофелем! Так же как его

удивило, что у нас было с собой всё хозяйство: керосинка, примус, кастрюли. Люди ведь ездят в экспедицию на «всём готовом», мама же была экипирована скорее, как помесь туриста с дачником: начиная от рюкзаков и кончая ночными горшочками.

Грузовик. Бальцер

И превратились мы теперь из жалких «выковыренных» в «семью главного геолога Олейникова» Мы – «больные». Мы ничего не делаем, лежим на мягком сене, и нас кормят, и везут по России. Нам дают сахар! Забытый сахар. Но вот утром последнего дня пути (а было их три или четыре, проехав примерно 500 км.), мы попали уже в район путейских работ папиной экспедиции. Вот это и был район, где папа участвовал в изысканиях по прокладке трассы будущей «Волжской рокады». Родители мне почему-то об этом не рассказывали, а сейчас я во время подготовки этого очерка об истории постройки «Волжской рокады» нашел много интересного в Интернете (см. например <http://www.ruzgd.ru/rokada.shtml>). Рокаду предполагалось проложить по густонаселенным районам Сталинградской области и бывшей республики немцев Поволжья. К этому времени немцев из Поволжья уже выселили, однако рядом с опустошенными селами стояли нетронутыми русские поселения. Проектировщики рассчитывали на то, что местные жители обеспечат обслуживание будущей железной дороги, станций, разъездов, мостов и перегонов. И самое важное состояло в том, что пустые села могли быть использованы под жилые массивы рабочей силы. Основным поставщиком рабочей силы был ГУЛАГ. Проект прокладки трассы сделали железнодорожники из ГУЛАГа. Изыскательные экспедиции под руководством А.П. Смирнова и П.К. Татаринцева в течение февраля и марта провели изыскания. 17 марта 1942 года ГКО утвердил проект Волжской рокады. А строительство тем временем уже разворачивалось – были проведены новые подъездные грунтовые дороги, существующие укреплены. Строительством участка от Иловли до Саратова занималось управление Волгожелдорстрой, руководил которым Ф.А. Гвоздевский. Фамилии Гвоздевского и Татаринцева постоянно звучали в нашей семье, поскольку это были непосредственные начальники папы и при постройке БАМа и здесь. Рельсы, шпалы и все необходимое оборудование пути для Волжской рокады перевезли с головного участка Байкало-Амурской магистрали, строительство которой было начато еще до войны. Быстро, дешево и надежно такой протяженности дорогу в то время могло построить единственное для подобных целей предназначенное ведомство – Главное управление лагерей железнодорожного строительства НКВД-МВД СССР (ГУЛЖДС).

Маршал Георгий Жуков в своих мемуарах отмечал: «...сооружение Волжской рокады обеспечило резервами и вооружением всю Сталинградскую битву, ознаменовавшую собой коренной перелом в ходе войны».

Последний день пути. Мы приближаемся к Бальцеру. Мама вспоминает: «Обедаем в столовой экспедиции. И я робко спрашиваю: не надо ли заплатить за еду деньги? Кассирша возмущена: а как же я думала? Даром!» Судя по этому - это был первый случай на нашем пути (да и раньше, в голодном Ленинграде), что деньги что-то значили реальное».

К вечеру мы приезжаем в Бальцер - а по-новому - Красноармейск. Папы нет. Он приедет утром - и очень испугается, увидев в окно неузнаваемое лицо бабушки, у которой улыбку заменяла гримаса.

Один месяц мы живем в Бальцере, пока немцы не стали приближаться к Сталинграду. От этого в воспоминаниях остались только ночные осветительные ракеты немцев, спускающиеся медленно на парашютах: мы стояли на крыльце нашего дома и молча смотрели. И еще: через город или мимо него гнали огромное стадо коров - гнали от подступающих немцев. Женщины бежали с кувшинами и кастрюлями за коровами. Где-то уже за городом коров доили прямо на земле. Женщины подставляли свою посуду. Этот поход запомнил и я. Было это днем, но было сумрачно, небо заволкло тучами.

Бальцер - это республика немцев Поволжья. По другую сторону Волги против Саратова, г. Энгельс - столица республики. Всех немцев отсюда выслали. Говорят, было так: спустили над Бальцером парашютиста, переодетого немцем. И жители его моментально спрятали. После чего их всех выслали!

Мы - отъедались. Это происходило по старшинству (только наоборот): первая стала гордо отказываться от ужина Ляля. Потом эта сытость дошла до мамы и потом лишь до бедненькой бабушки. В общем, жизнь в Бальцере была отдыхом. И ещё я помню, как мама смастерила мне в Бальцере сандалии на веревочной подошве. Это тоже был ее опыт времен революции. Изготавливались они так - ставят ногу «клиента» ногу на картонку, обводят карандашом контур ступни, вырезают картонку по контуру и укладывают веревку витками от середины, прихватывая нитками каждый виток, пока не получится подошва. Потом картонку отдирают, приделывают петлю из той же веревки для большого пальца, примерно как на нынешних пляжных шлепанцах, и получились замечательные сандалии.

Но когда взошел второй мамин огород (маленький) пришлось его бросить, и мы поехали от немцев с отцовскими сотрудниками с Бампроекта в г.Буинск, Тат.ССР, центр экспедиции «Свияжск-Ульяновск».

Отъезд в Буинск

Сначала поездом добрались мы до Саратова, чтобы там ехать дальше Волгой. Но мы ждали парохода, а немцы бомбили эту трассу, и изо дня в день откладывался наш отъезд. Наконец попали в Буинск. Тут мы прожили год. Мама служила в Свияжской экспедиции сначала в качестве чертёжницы, а потом ее перевели в бюро оформления. А состояло бюро оформления в

основном из жен, вывезенных в состоянии дистрофии из Ленинграда, уже отъевшихся, но полных страшных воспоминаний. О блокаде говорить запрещалось. Все потеряли там кого-нибудь из близких. Зато иногда пускались в сладостные воспоминания - как кто жил до войны. И получалось так, что все были так богаты, так благополучны, так обставлены! Любая брошенная этими людьми кофейная мельница, зеркало - милые привычные скромные вещи - казались стоящими отдельного рассказа.

Поселились мы сначала временно. Пока не нашли домик по своему вкусу. Это было у сапожника татарина Абдулы, пьяницы. Домик был крошечный. Папа прожил тут очень мало - его неожиданно откомандировали в Томск.

Новый Год

Встречу нового 1943 г. мама вспоминает так:

«В Буинске мы встречали новый 1943 г. Празднование было устроено на маминой службе. Сначала пытались клеить игрушки вечерами (еще только этого мне не хватало!). Но потом кто-то из сотрудников поехал в командировку в Ленинград, как уж - не знаю. И, походив там по магазинам, ничего не увидел соблазнительного, кроме огромных наборов ёлочных игрушек. Навалом! Так он и купил несколько коробок ("для детских домов"). И мы закатали ёлку. (Кстати, это была огромная сосна). Напекли в столовой детям забытые ими булочки. Все дети говорили стихи, после чего получали гостинцы».

Тут отличился я. Дело в том, что я заранее выучил с бабушкой стихи Маршака «Старушка пошла продавать молоко». Но учил-то я эти стихи, не стоя, а всегда лёжа с бабушкой под шубой в холодном доме. А уж вечером было не до репетиций. Только накануне ёлки, сидя у мамы на руках, я прочел начало, старательно отбивая такт стихов головой. Мама сказала, что не надо так качать головой. Но на ёлке я стоял торжественно, один на каком-то большом ларе и начал: "Старушка пошла продавать молоко - на каждом ударе не то, что качая головой, но сгибаясь почти пополам! Поднялся страшный хохот, меня сняли после первой строфы и выдали подарок. Я неутешно ревел. Ведь выучил я всё длинное стихотворение! И успокоился лишь, когда сидя у мамы на руках, весь мокрый от слёз, прочел всё да конца Макаеву - начальнику экспедиции. Вместе с гостинцами детям дарили и игрушки с ёлки. По три блестящих игрушки. Так у Ляли и меня оказалось шесть блестящих игрушек, после чего было решено сделать ёлку и дома для соседских татарских детишек. Свечей, конечно, не было. Жили ведь мы с коптилками.

Коптилка – был основной способ освещения во время войны: светильничек в пузырьке из-под туши, куда наливался керосин, пробка, стеклянная трубочка, в которую вставлялся фитиль и даже проволочный регулятор - опыт голода и холода 1919 года. Так вот, идеальным фитилем

оказались кисточки от шерстяного пледа. Этот плед еще долгое время после войны жил у нас в семье напоминанием о блокаде и эвакуации. Мама «для красоты» отрезала кисточки не подряд, а прореживая их.

Но и керосина в этот день не оказалось. Зато были спички и старые газеты. Все сидели в полной темноте по топчанам и табуреткам, и время от времени мама зажигала полоску газеты - ёлка освещалась, игрушки блестели - и все были в восторге. Были подарки - карандаши и тетрадки. Были наготовлены бутерброды - в лучших традициях! Маленькие, аристократические бутерброды с вареной свиной. Мама не подумала о магометанстве наших гостей, но они тоже забыли о нем! Все шли и шли какие-то крошечные татарские старушки, теснились в дверях, тянулись к тарелке с бутербродами. Девочки выступали: для пенья ведь света не нужно, а танцевать можно тоже, на веру, в темноте. На следующий день сосед-татарин (такой почтенный отец двух чистеньких девочек) говорил маме: «Ну и ёлка была у Вас! Роскошь, а не ёлка! Роскошь!»

Однажды вечером за окном послышалось насвистывание: так свистел только дедушка и мама с дядей Володей - особым сигналом. Так появился дядя Володя, которого чуть не похоронили. Дядя Володя был одним из ближайших сотрудников крупного архитектора, академика архитектуры Льва Владимировича Руднева, который и «вытащил» его из эвакуации в Москву. В это время по их проекту строилось здание Министерства обороны на Фрунзенской набережной.

Последнее лето

И наступил последний период эвакуации. Мама опять вскопала огород. Ведь все тогда не представляли себе, как можно не иметь огорода, своего картофеля. Все копали весной свои сотки, помогая всем миром друг другу.

Потом снова дядя Володя приехал, теперь уже за бабушкой 30-го сентября. После отъезда в Москву бабушки и дяди Володи надо было получить еще пропуск из милиции г. Буинска (а вызов от дяди Володи был). И тут маме сослужили службу ее руки. Ещё зимой ей пришлось сделать карандашный рисунок с маленькой и плохой фотографии убитого на войне сына начальника милиции. Так вот, мама пришла к этому начальнику милиции и прямо всё так и сказала: «Это я нарисовала вам портрет сына, а Вы, пожалуйста, дайте мне пропуск в Москву». Так пропуск был получен и мы поехали мы в Москву в теплушке, которую дали специально для семьи Татаринцева. Это путеец, главный инженер Бампроекта, которого мама помнила еще по Дальнему Востоку как очень хорошего человека. Вещей в теплушке было очень много, так что мы с мамой лежали высоко на вещах. Ехали долго. Когда мы приехали, наш вагон поставили далеко на путях. Мы идём по шпалам. Утро. Солнце. Вдалеке - шпили Казанского вокзала. На мне новые туфельки, жёсткие и скользкие. И в метро, с непривычки к гладкому камню, ноги разъезжаются. А когда мы сели в вагон метро, и поезд уже двинулся, я спросил маму: «А когда мы поедём?» Вопрос был понятен маме

после привычного грохота теплушки. Мы отыскивали дядю Володю и бабушку в домике у Крымского моста, на втором этаже. Потом мама еще ездила с дядей Володей за нашими вещами. Она пишет: «Помню возвращение с вокзала: я стою за кабиной грузовика. Ветер дует в лицо и летит навстречу широкая Садовая. И я думаю: ну, вот и всё. Конец. И начало новой жизни!»

Конец войне

Дом у Крымского моста стоит и сейчас. Там была коридорная система, и наша семья занимала две комнаты на разных этажах. Территория была огорожена, и входить в дом надо было через подъезд другого дома, где долгие годы находился МГИМО. Видимо эта территория была как-то связана со строительством здания Министерства обороны на Фрунзенской набережной, постройкой этого здания как раз тогда и занимались дядя Володя с Рудневым. Про жизнь в этом доме у Крымского моста воспоминаний осталось мало. Зато помню, как я с дядей Володей ходил на стройку, помню какие-то котлованы, через которые были переброшены досточки, по которым надо было со страхом переходить. И ещё помню салюты, которые мы ходили смотреть на Крымский мост. Это было время победного наступления Красной Армии. Салюты были частыми, и на мост падали «салютины». У меня появилось моё первое детское богатство - ящик с разноцветными картонными гильзами. Ещё помню, как впервые увидел и попробовал мандарины, о которых столько слышал во время эвакуации. В этом доме мы встречали новый 1944 г. Помню, как я расстроился, найдя утром подарок от деда Мороза. Мама использовала панцирь от черепахи, который с нами ездил всю эвакуацию - «Пахи», и с помощью проволоки, ваты и старого чулка сделала голову и лапы, и получилась черепаха. Мама трудилась полночи, а мне было обидно, что подарок - не покупной. В этот дом приехала из эвакуации и жена дяди Володи Сима с дочерью Леной и мамой – Александрой Ивановной. Яркое воспоминание того периода – посещение зоопарка. Видимо в эвакуации столько говорилось об этом, что мама вскоре по приезде в Москву повела меня в зоопарк. Самое сильно впечатление - ни от слона, тигров и других зверей, а от недоеденных буханок хлеба в клетке у медведя. Почему-то медведь выедал мякиш, а корку не ел. С точки зрения военных времён, валяющийся хлеб, пусть даже одни корки – недопустимое кощунство. Дом у Крымского моста был всё-таки общежитием. Как там решались бытовые проблемы: мытьё, готовка пиши - не помню. Но вскоре уже в самом начале 1945 г. мы переехали в дом «на Динамо», который находился на Ленинградском шоссе, примерно посередине между выходом к северной трибуне из станции метро «Динамо» и Петровским дворцом, где находится академия им. Жуковского. Дом был деревянный, двухэтажный. Мы получили квартиру на первом, полуподвальном этаже, так что, перешагнув подоконник, ты оказывался сразу на дворе. Это уже была настоящая квартира с несколькими комнатами, уборной и кухней, где стояла большая плита, топившаяся, как и печи,

дровами. Дом был окружен деревьями, по существу это была часть Петровского парка и такими же двухэтажными домишками. Я быстро обзавёлся друзьями, главным из которых стал Саша Плющ, живший в соседнем доме. Любимым занятием, конечно, была игра в войну, у нас даже появилась немецкая каска, которая играла роль главного трофея. Я однажды очень был горд, надев эту каску на попу под штаны и тем самым незаметно пронеся её через «вражеский стан». Конечно, кроме деревьев, кругом были огороды с картофелем, главным подспорьем военных и послевоенных лет у горожан. Помню пленных немцев, которые ремонтировали Ленинградское шоссе и за горбушку хлеба делали для нас –детей разные поделки. Здесь мы узнали об окончании войны. Я услышал утром с улицы победные крики своего друга марширующего Саши Плюща: «Ура! Ура! Кончилась война!». Быстро натянул штаны, вылез в окно и присоединился к Саше.

Дальнейшая судьба

Дальше моя жизнь, можно считать, сложилась благополучно и даже, можно сказать, удачно. Я поступил в школу, вступил в пионеры и потом в комсомольцы, после окончания школы, поступил на физический факультет МГУ. Во время учебы ездил по комсомольской путёвке на целину в Казахстан, о чем остались до сих пор яркие впечатления. После окончания МГУ попал по распределению в академический Институт радиотехники и электроники, ныне имени Владимира Александровича Котельникова, академика, который многие годы был директором нашего Института. В этом Институте я проработал по сегодняшний день 54 года, и он без всяких кавычек является моим вторым домом. Здесь прошла вся моя трудовая жизнь. После защиты кандидатской диссертации по физике полупроводников я сменил специализацию и начал работать в области информационных технологий.

Сегодня из людей, упомянутых в этих воспоминаниях, слава Богу, здравствует в Ленинграде моя сестра Ляля – «мой пестун», которой я благодарен на всю оставшуюся жизнь. В Москве живет дочь дяди Володи, моя двоюродная сестра Лена. Остальных никого теперь уже нет на свете. Папа умер и похоронен в Ленинграде в 1979 г., мама умерла в 1980 г. Бабушка умерла в 1961 г. дядя Володя в – в 1974 г. Бабушка, мама и дядя Володя похоронены на кладбище Донского монастыря. Мир их праху.

Когда я готовил этот очерк, прошелся по карте по всему маршруту нашей эвакуации, и мне пришло в голову, что надо бы проделать этот маршрут. Правда, когда я был в командировке в Саратове в прошлом году, я хотел съездить в Бальцер, да меня отговорили, мол ничего интересного – пятиэтажки, город безработных. Примерно то же было и в Казани, когда я хотел съездить в Буинск. А жаль! Надо проделать маршрут в память о моих родных.

Кроме работы в области точных наук, я иногда писал стихи, изредка печатался, а к своему 70-летию собрал большую часть и издал с помощью родных книгу. Сейчас у меня вышло уже четыре книжки, где кроме стихов есть проза. Я заканчиваю эти воспоминания стихотворением, связанным с блокадой и войной.

Москва, февраль 2015 г.

Любимым внукам Сашке и Мишке

Решили власти, что должны
Дать удостоверение —
Я стал участником войны.
Здесь — недоразумение:

Я в пекло головой не лез,
Не занимал траншеи.
Но рассудил не так собес,
Которому виднее.

Задет я не был, хоть слегка,
Ни пулей, ни осколком.
Щец не хлебал из котелка.
Войны не нюхал толком!

Не отставал я от полка
И не варил конину.
И не стрелял в политрука,
Подставившего спину.

Я не был с немочками смел.
Приличных галифе я
За всю войну не заимел,
Хотя бы как трофея.

Не жал мне руку генерал.
В сражениях с врагами

Я никуда не водружал
Простреленное знамя.

Не говоря уж про Рейхстаг,
Разрушенный войною.
И на Рейхстаге алый стяг
Был водружен не мною.

Я был тогда и глуп, и мал,
Не отходил от мамы.
И никогда не получал
Наркомовские граммы.

Но был замёрзший Ленинград,
И голод, и осада.
И забывать весь этот ад
Нам никогда не надо.

Теперь имею много льгот,
Конечно, не по чину.
За каждый поступивший счет
Плачу лишь половину.

Меня не помнил бог войны,
Не звали на парады.
Но внуки знать мои должны,
Что дед — дитя блокады.

Биографическая справка

Олейников Александр Яковлевич – 1939 г.р. родился в г. Ленинграде, был вывезен из блокадного Ленинграда с родными в апреле 1942 г. по льду Ладожского озера - «Дороге жизни», находился в эвакуации сначала в Тамбовской, а потом в Саратовской области и в

Татарской автономной республике. С 1944 г. живет в Москве. В 1956 г. поступил на физический факультет МГУ им М.В.Ломоносова. В 1957 в составе студенческих отрядов участвовал в освоении целины в Казахстане. С 1962 г. после окончания МГУ работает в Институте радиотехники и электроники РАН им. В.Н.Котельникова, в настоящее время в должности главного научного сотрудника. Специалист в области информационных технологий. Доктор технических наук, профессор, лауреат премии Совмина СССР, Заслуженный деятель науки РФ, член Союза литераторов РФ. Награжден знаком «Житель блокадного Ленинграда», медалью «Ветеран труда» и памятными медалями.